

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'282.2 + 811.161.1'374.2

DOI: 10.17223/19986645/67/1

Е.Л. Березович, О.Д. Сурикова

НАИМЕНОВАНИЯ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ В РУССКИХ ПРОКЛЯТИЯХ¹

Проводится лингвистический анализ демонимов, фигурирующих в составе русских проклятий и отсылов: определяется идеографический состав мифологических персонажей в текстах злоречений, выделяются способы их номинации, среди которых важную роль играет эвфемистический. Устанавливаются основные механизмы эвфемизации: местоименная замена, фонетическая эвфемизация, использование заимствованных слов и субстантивированных характеристик и т.д. Осуществляется этимологический и семантико-мотивационный анализ ряда «темных» слов.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, проклятия, семантическая реконструкция, этимология, вербальная магия, лингвопрагматика, народная религия, демонимия.

Нечистая сила – эталонный «персонаж» проклятий. Тексты этого жанра, подразумевающие «пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица» [1. С. 286] в виде устойчивых словесных формул, имеют четкую смысловую структуру, одним из главных компонентов (актантов) которой является актер. Актер – это существо (предмет, явление), которое упоминается в злопожелании в качестве воплощения злых и деструктивных сил и которое, по мысли автора проклятия, должно причинить вред проклиняемому. Смысловую позицию актора могут занимать обозначения:

- смерти и ее атрибутов: влг. *Прах тебя деру* [2. Т. 31. С. 70];
- опасных животных: смол. *Задéргай те волк* [Там же. Т. 10. С. 52];
- природных стихий: волгогр. *Гроза тебе в бок* [3. С. 122];
- беды, несчастья, напастей: курск. *Причина те побей* [2. Т. 32. С. 61];
- инородцев: новосиб. *Уведи (кого) татар* [4. С. 195];
- угрожающих орудий, инструментов: перм. *Кол в хайло* [5. Т. 1. С. 403];
- персонафицируемого топоса: новг. *Омут возьми* [6. Т. 4. С. 200] и др.

Однако чаще всего в роли вредоносного субъекта проклятий выступают болезни и представители нечистой силы: об этом свидетельствуют не только наши собственные наблюдения, но и данные, полученные В.А. Чередник [7], И.В. Козельской [8], Л.Н. Виноградовой [9]. Судя по всему, доминирование соответствующих типов лексики при заполнении позиции актора характерно не только для русской, но и вообще для сла-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

вянской традиции злопожеланий. Такое положение дел легко объяснимо: мифологические персонажи и болезни традиционно воплощают «прототипический» образ вредоносного субъекта – активного, динамичного, обладающего собственной злой волей или выполняющего злую волю третьего лица.

При этом интересно, что, при сравнительно близкой частотности злопожеланий с упоминанием болезней и представителей нечистой силы, идеографическое разнообразие наименований недугов в проклятиях существенно выше, чем «арсенал» демонов, о которых идет речь в таких текстах (имеются в виду не многочисленные наименования персонажей одного и того же типа (домовой, леший etc.), а собственно типы «базовых» персонажей). Названия болезней в проклятиях делятся на несколько обширных групп, объединенных на основании сходства симптоматики, – это внешние раны (ср., например, курск. *Нор тебя изнырай!* [2. Т. 21. С. 278], где *нор* – ‘язвина на теле, особенно глубокая, подкожная’ [10. Т. 2. С. 1440–1441]), кожные болезни (без указ. м. *Чтоб те восса села* [2. Т. 5. С. 145], где *восса* – ‘болезнь кожи, сопровождающаяся зудом (лишай, экзема, чесотка)’ [Там же]), острые болевые симптомы (ряз. *Колотá тебя возьми* [Там же. Т. 14. С. 178]), лихорадка (арх. *Чтоб тебя вёшница трясла!* [Там же. Т. 4. С. 224], где *вёшница* – ‘весенняя лихорадка, лихорадка’ [Там же]), психические и нервные недуги (ворон. *А как бы тебя молоденская перекосила* [Там же. Т. 18. С. 221], где *молодénская* – ‘болезнь, сопровождающаяся припадками; родимчик (обычно у младенцев и беременных женщин)’ [Там же]) и т.д. (подробно о наименованиях болезней в проклятиях см. нашу статью [11]). На этом фоне демонический «пантеон» проклятий весьма скуден и включает нескольких основных, как правило наиболее известных, зловредных персонажей, в первую очередь черта и лешего. Описанию этого пантеона и будет посвящена настоящая статья, продолжающая наше исследование лексики русских проклятий (см. предыдущие статьи цикла: [11–16]). Мы установим, какие представители нечистой силы упоминаются в проклятиях и как часто это происходит, попытаемся обозначить причины таких «предпочтений» субъекта речи; выявим особенности демонимов с точки зрения мотивов номинации и задействованных при их создании механизмов эвфемизации; предложим трактовку некоторых «темных» с мотивационной точки зрения лексем.

О нечистой силе в проклятиях уже писала Л.Н. Виноградова: в ее статье «“Отсылка к нечистой силе” – общеславянский мотив проклятий» [9] в этнолингвистическом ключе и на материале всех славянских традиций проанализированы преимущественно фольклорные данные (в основном с позиций сюжетики и мотивологии текстов). Эту проблему в своем диссертационном исследовании затрагивала также И.В. Козельская [8], которая работала преимущественно с орловскими говорами – и с весьма ограниченным количеством диалектных источников. Мы обращаемся к этой теме снова, очертив проблематику и рамки исследования лингвистическим курсом и собственно русским материалом, извлеченным из максимально

доступного на сегодняшний день числа диалектных словарей (как сводных, в том числе [2], так и региональных) и полевых картотек (в первую очередь из картотеки «Словаря говоров Русского Севера» [17] и лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета [18]), при этом упор мы делаем именно на полевой диалектологический материал, который зачастую впервые вводится в научный оборот.

Одной из особенностей функционирования демонимии в зложеланиях является ее высокая активность в таком близком к проклятиям жанре, как отсылки. Л.Н. Виноградова даже предлагает считать последние разновидностью проклятий, по крайней мере, видит целесообразность в том, чтобы анализировать их вместе: «...во всех славянских традициях отмечается тенденция причислять к жанру проклятий бранные выражения в виде формул-отсылок (“Иди ты к черту!” <...>), которые функционируют наряду с оптативными конструкциями типа “Чтоб тебя черти побрали!”» [9. С. 49–50]. С этим трудно спорить, особенно учитывая тот факт, что в восприятии носителей традиционной картины мира оба вида речевых актов – проклятия и отсылки – могут иметь одинаковые (самые серьезные) перлокутивные эффекты, ср.: влг. «А как скажут раньше “*Лешачина тебя понеси*”, – он и унесёт» [19. Т. 4. С. 39], приказ. «Он ведь и девку уносил в Тамбов. Вот, видимо, излешакал её кто, сказал: “*Иди ты к лешему*”. Вот ее живую-то и унёс» [20. Т. 1. С. 281], краснояр. «*Да повяди тебя леший!* – мать-то ей сказала. Ить ушла девка да до сих пор нету! Искали вязде, всем сельсоветом, всем миром, и нигде не нашли. Проклинать нельзя, ругаться нельзя» [21. Т. 3. С. 324]. По этим причинам в настоящей статье мы будем рассматривать оба указанных вида речевых актов.

Итак, названия нечисти в проклятиях, как уже было сказано, не дают большого идеографического разнообразия. Это можно связывать с тем, что субъект речи стремится включать в проклятия упоминания о самой опасной и действенной нечистой силе, а не о многочисленных «мелких» демонах. На такой выбор работает также предельная экспрессия, свойственная проклятиям, умноженная на семантическую диффузность наименований демонов: как известно, одним и тем же словом нередко называются разные по функциям «нечистики», даже столь противоположные, казалось бы, по локусам «проживания», как домовая и леший, ср. многочисленные примеры типа влг. *ботамáнушко* ‘домовой, леший’ [2. Т. 3. С. 130], олон. *другая половина* ‘по суеверным представлениям – домовая или леший’ [Там же. Т. 8. С. 210] и т.п. По этим причинам для большой группы проклятий с демонимами невозможно установить «видовую принадлежность» персонажа: так, в составе формулы *Шут его бери* выступает слово *иут*, которому В.И. Даль дает такую дефиницию: ‘всякая нежить, домовая, леший, водяной, шутовка, водява; лопаста, русалка’ [10. Т. 4. С. 650]. Подтверждением сказанному служат те случаи (правда, несчастые), когда в проклятиях выступает соб-

ственно сочетание *нечистая сила* или слово *нечистый*, *нечистая*, ср. новг. *Побери нечистая сила* [6. Т. 4. С. 571], пск. *Чтоб тебя нечистая побрала*, *Нечистый обдери* [22. Т. 21. С. 293, 295], вят. *Нечистой тебя возьми* [23. Т. 6. С. 243], пск. *Пусть хоромы нечистый растрясет (кому)* [24. С. 79].

При всем сказанном просматриваются тенденции, определяющие попадание в проклятия наименований представителей разных разрядов демонов. Поданный ниже материал не является исчерпывающим, но позволяет показать закономерности «расстановки сил».

ЧЁРТ

Разумеется, чаще всего в проклятиях фигурирует черт. Как известно, черт «в народной демонологии трактуется неоднозначно: как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» [25. С. 519]. Мощная экспрессия, являющаяся условием, спутником и результатом произнесения проклятий, определяет использование в проклятиях преимущественно первой ипостаси черта – образа обобщенного представителя нечистой силы.

Конечно, чаще всего встречается собственно слово *черт*: простореч. *Чёрт бы (кого) взял (унёс)*: «Женщина одна укладывала ребенка. Он кричит и кричит. Она его качала в зыбке, а он все плачет и плачет. Она вышла из терпения: *Чёрт бы тебя взял!* Он и замолчал. Она глянула, а в зыбке головешка лежит» (влад.), «А то было: теща прокляла зятя: *Чёрт бы тебя унёс бы!* Зять ушел. Да так и сейчас нет» (новг.) [26. С. 548, 559], арх. *Дави (кого) чёрт* [27. Т. 10. С. 212], арх. *Уйди ты к чёрту вóдерень* <прочь> [Там же. Т. 4. С. 154], пск. *Двори́ тебе чёрт*, ср. пск. *двори́ть* ‘принимать гостей’ [22. Т. 8. С. 156], орл. *Чёрт тебе в живот* [8. С. 223], новг. *Хоть бы тебя черти семеро побрали* [2. Т. 37. С. 151], влг. *Побери тебя черти семеры* [6. Т. 4. С. 387], твер. *Тысяча тебе чертей* [28. С. 580], яросл. *Чтобы тебя (его, их, вас и т.д.) черти скрали* [29. Т. 10. С. 62], ср.-урал. *Чёрт его (её) бей* [30. Т. 7. С. 27], костр. *Сто чертей тебя понеси* [18] и мн. др. Отметим такую деталь: именно слово *черт* в проклятиях нередко употребляется в форме множественного числа или с числительными, указывающими на неопределенное множество, в то время как для других обозначений представителей нечисти такие словоупотребления либо несвойственны, либо редки. Это связано с мотивом множества, большого количества, который присутствует в языковом образе черта, ср. *осточертеть*, *чертова уйма*, *до черта* и пр. (об этом мотиве см. в [31. С. 484]).

Единственное, кажется, имя представителя нечисти (кроме черта), активно употребляемое в форме множественного числа (как вне проклятий, так и в их составе), – *бес*. Языковое поведение *беса* вообще близко к *черту*, поэтому представим соответствующие проклятия в этом разделе нашей работы: простореч. *К бесу*, томск. *Бес помяни*, обл. *Встрешный бес тебя расшиби* [32. С. 38], перм. *Бес бей* [33. С. 22], пск. *Пуццай беси опаишут* [24. С. 17], костр. *Сто бесов тебя раздери* [18].

Среди дублетов *черта* в лексике, восходящей по происхождению к обозначениям главного противника Бога в христианской религии, встречаются слова *дьявол* (арх. *Пойди к дьяволу* [27. Т. 12. С. 456]), *сатана* (приирт. *Сатана тебя (его и т. п.) подхвати* [2. Т. 36. С. 150]), *антихрист* (орл. *Антихрист тебя (его и т. п.) возьми (разбей)* [32. С. 18], тул. *Антихрист вас побери* [34. Т. 1. С. 26]); ср. также преобразования последнего слова: волгогр. *Анчѣбил кого-л. возьми (забери)* [3. Т. 1. С. 58], где волгогр. *анчѣбил* – ‘нечистая сила, черт’ < *анчыбѣл* ‘то же’ < *антихрист* [35. Т. 1. С. 235–236], волгогр. *Анчутка кого-н. забери (забрал бы)* [3. Т. 1. С. 60], где *анчутка* ‘черт’ – табуистическая замена слова *антихрист* или результат развития сложения *анчи-* (*анти-*) + *юд* (ср. пск. *анчиюд*) [35. Т. 1. С. 236–237].

Встречается в проклятиях также слово *демон*: влг. *Дѣмон тебя понеси*, влг. *Пооди ты к дѣмону* [17], ср. влг. *демѣнко* ‘черт’: «Деманко маленький чѣртик, откудова-то выходит. Ребят им пугали» [Там же]. Возможно, как фонетическую трансформацию лексемы *демон* следует рассматривать и ниж.-дон. *гѣман* ‘бранное слово’: «Ах ты, гѣман чтоб тебе хватил!» [2. Т. 6. С. 166].

К обозначению падшего ангела восходит, вероятно, и слово *агаль*, представленное в ворон. *Сошли мне, господи, лихих агалей*, где ворон. *агаль* – ‘злой дух’ [Там же. Т. 1. С. 200]. По версии А.Л. Топоркова (устное сообщение), в форме *агаль* следует видеть трансформацию слова *аггел*, ср. указание В.М. Живова на то, что слово церковнославянского языка, производившееся как *ангел*, обозначало посланца Бога, в то время как лексема, звучавшая как *аггел*, означала посланца Сатаны [36. С. 17]. Думается, что это объяснение более правомочно, чем гипотеза о связи *агалья* с глаголами типа сиб. *огáлитъ* ‘испортить, сглазить’, влг. *гáлитъ* ‘портить’ < праслав. **galiti* (не исключая, однако, влияния со стороны *áггел*), высказанная в [35. Т. 1. С. 88]. Отметим также, что использование слова *агаль* в проклятии может быть мотивировано энантиосемичными возможностями лексемы *ангел*, ср. карел. «Два ангела с тобой – лесной да водяной, скажем, когда не хочется ругаться» [6. Т. 1. С. 19].

К обозначению персонажа христианской религии восходит также слово *аред*: калуж. *Аред тебя подхвати* [2. Т. 1. С. 272], орл. *Аредный его возьми* [37. Т. 1. С. 46], где курск., калуж., новг. *áред* – ‘нечистый дух, черт’ [2. Т. 1. С. 272] < *Иаред*, имя библейского персонажа, отца Эноха, прожившего 962 года [35. Т. 1. С. 271–272]. В группу «христианской» лексики можно включить и слово *скима*, ср. влг. *Скѣма тебя неси*: «Скажут “скима тебя неси”, а ты в дороге. Тебе плохо могот быть, дорога худо лягот, блудить будешь», где влг. *скѣма* – ‘нечистая сила, бес, дьявол’ [17] < рус. литер. *схима* (< греч. *σῆμα*) ‘высшая степень монашества’, *схимник* ‘монах, посвященный в схиму’ (подробнее см.: [14]).

Христианская оппозиция лежит и в основе появления демонима *идол*: башк. *Идол тебя взял* [38], где *идол* – ‘мифическое существо, представитель нечистой силы’ (башк.) [38], ср. еще новг. «Памхи носят, так это ругаются: чтоб тебя памхи унесли. А идолы это» [39. С. 77] (ср. *идол* ‘бран.

божок, кумир; болван, дурак’, *ідолице* ‘чудовище’, белор. *ідол* ‘дьявол’ < греч. εἶδωλον [40. Т. 2. С. 117]).

Широко известно, что употребление «прямых» номинаций нечистой силы представляется носителям традиционного сознания опасным и даже непристойным: костр. «Ты долешакаешься, так лешака-то на дом вызовешь. Сама вызываешь, лешакаешься когда» [18]. Использование демоники строго регламентируется народно-религиозным этикетом, считается, что даже матерная брань более предпочтительна, чем чертыхание, т.е. непосредственное упоминание имен демонов, ср. только несколько нарративов об этом: костр. «Клястись не надо, лучше матюшиться» [Там же], арх. «У мня-от невеста за братом: она горит, чем залешукацца, дак лучше заматюкацца» [27. Т. 17. С. 319], арх. «Чем чертыхаться и лешакаться, лучше матюгаться» [41. С. 139], арх. «По матери пошли, а лешего не поминай» [17] и т.д. (подробнее о лингвопрагматике отсылок к черту и проклятий с упоминанием нечистой силы см. нашу статью [42]).

Поэтому авторы злоречений очень часто стремятся к иноговорению и прибегают к табуистическим обозначениям нечистой силы, которые, будучи непрямыми ее названиями, считаются менее опасными – в первую очередь для исполнителя текста. Эвфемистические механизмы именования черта весьма разнообразны. Одна из разновидностей такой номинации – обозначение его относительных и качественных характеристик.

Среди относительных характеристик выделяются обозначения, указывающие на локус черта и принадлежащие к древнейшему пласту демоники. Так, слово *ляд* отражает модель, согласно которой нечистая сила получает название по месту обитания: ‘пустошь, заброшенное поле’ → ‘место обитания нечистой силы’ → ‘нечистая сила, черт’ [43. Т. 15. С. 46]; «демоническое» значение этой лексемы проявляется именно в бранных формулах: ставроп., самар. *Ляд возьми*, перм. *Ляд его бей*, твер. *Ляд те дери*, олон. *Ляд (тебя, его) побери*, влг. *Ну тебя в ляды*, казан., тул. *Ну те к ляду* [2. Т. 17. С. 259], ленингр. *Ляды его знает*: «Ох, ляды его знает, дермонит же он мать свою» [6. Т. 3. С. 175] и др.

Качественные характеристики выражены преимущественно субстантивированными прилагательными. Чаще всего это слова, передающие общую негативную оценку и враждебность человеку: *враг* (сиб. *Перекоробь его* (ее и т. п.) *враг* [4. С. 134]), *неприятный* (самар. *Ах, хоть бы неприятный полюбил*, ср. олон., арх., костр. *неприятная сила* – ‘нечистая сила, черти’ [2. Т. 21. С. 129]), *корявый* (петерб. *Ну те к корявому*, ср. петерб. *корявый, корявый чёрт* – ‘дьявол’ [Там же. Т. 15. С. 41]); в том числе слова, указывающие на безудержность черта, нечеловеческую интенсивность его действий: *дикий* (костр. *Подика ты к дикому*, где костр. *дикий* – ‘черт, сатана, дьявол’ [2. Т. 8. С. 57], ср. также обл. *Дикарь тебя возьми* [32. С. 190]), *лютый* (тамб. *Хрясни его лютый*, где тамб. *лютый* – ‘злой дух’ [2. Т. 17. С. 249]), *лихой* (орл., ряз. *Лихой тебя возьми (измучь, избей)* [Там же. С. 78], калуж. *Чтоб тебя лихой источил* [Там же. Т. 12. С. 262]), *окаинный* (костр. *Иди под окаинного* [18], ср. костр. *окаинница* ‘проклятое место, ад’ [2. Т. 23.

С. 117]), **истый** (ленингр. *Хвати тебя истый*, где ленингр. *истый* – эвфем. ‘черт’ [6. Т. 6. С. 708]); или, напротив (реже), – на пассивность черта: влг. **вялый** ‘эвфем. черт’: влг. *Вялый тебя забери*: «Нашкодит ребёнок-от, поддашь под задницу-то – от, *вялый тебя забери*» [44. Т. 2. С. 288].

Представлены также внешние характеристики черта, преимущественно цветовые: **зеленый** (тул. *Зеленый те убей*, где *зелёный* – ‘по суеверным представлениям – дьявол’ [2. Т. 11. С. 250]), **черный** (обл. *Ступай к чёрному* [32. С. 734], где без указ. м. *чёрный* ‘нечистый, дьявол, черт’ [10. Т. 4. С. 611]), **смоляной** (морд. *Смоляной тебе*, где морд. *смоляной* ‘черный, жирный’ [45. Т. 2. С. 1186]).

В проклятиях встречаются также демони́мы, указывающие на действия черта, в том числе особенности его передвижения: **летун** (морд. *Ну тебя (его, их и т. п.) к летуну́*, где морд. *летун* – ‘черт, нечистая сила’: «Только вышли, бат, из дьму-ту, а летун съ стьроны болоть и летит» [Там же. Т. 1. С. 488]), **налётный** (морд. *Налётный бы тебя (вас, их и т.п.) взял (не видал)*, где морд. *налётный* – ‘черт, дьявол’: «Фсе эти: налётный, лукавый дух – фсе ани адной марки, ни жди дабра» [Там же]).

Любопытны демони́мы, в которых отражаются представления о воздействии черта на человека. К их числу относится слово **мерек**, ср. вят. *Мерек с тобой (с кем-, чем-нибудь)*, вят. *Ну (кого) к мерекам*, вят. *Мерек (бы) тебя взял (возьми, дал, дави, надавал, побрал, унёс)* [23. Т. 6. С. 44], где *мерек* ‘злой дух, черт’ (вят.), но также и ‘бред’, ‘призрак, видение’ (пск., твер.) [2. Т. 18. С. 115]. Это слово входит в гнездо **merk-/*myrk-*, связанное чередованием с **mork-*; исходной для этого гнезда является семантика мерцания, мрака (см.: [43. Т. 18. С. 98–99; Т. 19. С. 234–236; Т. 21. С. 133–135, 137]). Таким образом, *мерек* – «тот, кто окутывает мраком», ср. внутригнездовые параллели с огласовкой **mork-*: пск., юж.-урал. *обморок* ‘фантастическое существо, обладающее сверхъестественной силой превращать людей в животных, камни, предметы’ [2. Т. 22. С. 134], влг. *оморок* ‘нечистая сила, черт’ [17], оренб. *обморочить* ‘превратить человека путем колдования в какой-либо предмет или животное’ [46. Т. 3. С. 26], юж., зап. *заморóка* ‘о том, кто чарует, напускает морок’ [2. Т. 10. С. 257] и др. Показательны также демони́мы, образованные от других корней, которые реализуют мотив обмана, мерцания, неясной видимости, наваждения: *ман*, *манья* ‘черт, бес’, *чудинка* ‘домовой’, вят. *млшко* ‘дух, обитающий в пустынных местах и пугающий людей’ [39. С. 69].

Среди табуистических обозначений черта выделяются такие, в которых реализуется тактика «задабривания» опасности путем выбора имен с положительной семантикой, например **доброхот**: орл. *Доброхот тебя возьми*, где калуж., смол., орл. *доброхот* ‘черт, дьявол’ [2. Т. 8. С. 79].

Еще одним механизмом табуирования в сфере экспрессивной демони́мии, актуальным для контактных территорий, становится использование заимствований, например:

– **вергой**: карел. *Пой к вёргою, Неси ты вёргой, Вёргой ты носит*, олон. *Пой в вёргой* [39. С. 76; 6. Т. 1. С. 173; 47. С. 9], где *вёргой*, *вёрга* ‘черт’ сопоставляется с фин. *verkanen* ‘то же’, карел. *verka, verga* [48. С. 145],

– **кереметь**: вят. *Кереметь тебя заломай (забодай)*, где вят. *кереметь* – ‘марийское языческое божество’ [23. Т. 5. С. 39] < чуваш. *kiremet* ‘злой дух; место, где он обитает’ [40. Т. 2. С. 224],

– **лайтай**: забайк. *Лайтай тебя возьми* [4. С. 103], где *лайтай* ‘злой дух, нечистая сила’ < бурят. *лайтай* ‘хитрый, лукавый’ [49. С. 349],

– **мардуй**: смол. *Мардуй тя побери*, где смол. *мардуй* – ‘черт, нечистая сила’ [2. Т. 17. С. 370] < эст. *tardus* ‘привидение; дурная примета; загробный голос’ [40. Т. 2. С. 573],

– **шутхер**: забайк. *Чтоб тебя (его и т. п.) шутхер забрал* [32. С. 760], ср. бурят. *шутхур* ‘черт’ [44. Т. 5. С. 370] < бурят. *шүдхэр* ‘то же’, ср. тув. (< монг.) *šetker* ‘злой дух, сатана, дьявол’ [49. С. 710]

и др.

«Экстремальное» проявление табуистических возможностей языка в сфере экспрессивных обозначений черта – образование имени черта от местоимений, ср.: дон., орл., тобол. *Тот(-то) тебя возьми, забери, побери* и т.п. [2. Т. 44. С. 300]: «Ругаеть бабка дитя и, чтобы не согрешить чёрными словами, говорить: *И тот-то тебя забери*» (дон.) [50. Т. 3. С. 160]; орл. *Йхман тебя возьми* [37. Т. 4. С. 160], где *йхман*, по всей видимости, производное от притяжательного местоимения *их* (ср. другой случай использования деривата данного местоимения для табуизации негативного явления: вост.-сиб. *ихо* ‘детская болезнь (табуистическое название вместо «их болезнь»)» [2. Т. 12. С. 273]).

Встречаются в составе проклятий и обозначения черта неясного происхождения, но в любом случае имеющие яркую экспрессию. К их числу относятся, например, слова *шишко*, *шешка*, *шишига* и под.: смол. *Шёшка (шешель) возьми (побери), Иди к шешке* [51. Т. 11. С. 140], волгогр. *Шиишга тебя возьми* [3. С. 674], коми *Шишкá мать* [52. Т. 2. С. 448] и др., ср. коми *шишкó* ‘нечистый дух, черт, дьявол’ [Там же. С. 447–448], смол. *шешка (шешель)* ‘черт, дьявол’ [51. Т. 11. С. 140], перм. *ишшко*, *шешка*, *шишига* ‘бес, домовый’ [5. Т. 2. С. 555] и др. (о трудностях при этимологизации слов этой группы см. [53. С. 929]).

Не до конца ясна мотивационная база демонима **мосяк**: вят. *Мосяк тебя подери (понеси, возьми), Мосякá тебе в соседи* [23. Т. 6. С. 86]. Носители диалекта признаются в том, что не понимают, какой это персонаж: «Ругаемся мосяк, да и все. Я и сама не знаю, что такое мосяк. Мосяк тебя возьми! Ах ты, мосяк!» (новосиб.) [2. Т. 18. С. 294]. С осторожностью предположим, что слово *мосяк* родственно простореч. *моська* ‘морда, рожа’, ср. также арх. ‘лицо со вздернутым носом’ [Там же], – и встраивается, таким образом, в модель наименований черта по признаку его уродства, неопрятности (особенно существенны здесь представления о том, что черт имеет собачью морду или похож на свинью – с пятачком вместо носа [25. С. 520]).

Сложно квалифицируется также урал. **ошеёнок** – ‘чертенок’ [2. Т. 25. С. 82], фигурирующее в отсылке перм. *Поди ты к ошеёнку* [Там же]. Не стоит ли связывать его с устар. *шуя* ‘левая рука’, предполагая следующую

цепочку: *шуя* > *ошуюю* > **ошуёнок* > *ошеёнок*? Тогда *ошеёнок* – «леворукий», «действующий левой рукой», «находящийся по левую руку»: это признаки, релевантные для образа черта (см.: [25]), см. также *пóкшиа* ниже).

Наконец, среди «темных» слов следует упомянуть арх. *чёкиши* – «Да пошла ты к чёкишу, – говорят, если не хотят лешакаяться» [17], которое, с одной стороны, может быть родственным словам на *чек-/чок-*, называющим битье, удары, хлопки (без указ. м. *чекать, чокать, чекнуть, чикать, чкать* ‘постукивать, стучать, тихо поколачивать’, *чок* ‘стук, бряк, хлоп, щелк’, новг.-кир. *чекошиться* ‘биться, колотиться’ и мн. др. [10. Т. 4. С. 604]), и продолжать, таким образом, модель номинации нечистой силы по ее деструктивным действиям (ср. демони́мы *жма, обдериха, задав, извод, кожедёр, костолом* и т. п. [39. С. 62]). С другой стороны, *чёкиши* может являться результатом фонетической эвфемизации слова *чёрт* – по признаку совпадения начальной звуковой группы слова (ср. *чёрный* и под.).

ЛЕШИЙ

Высокой частотностью отличаются также проклятия с упоминанием лешего. «Лешева» брань имеет ярко выраженную региональную специфику, поскольку употребляется главным образом на Русском Севере, а также в смежных и дочерних говорах. Более того, в этих зонах именно «лешевы» проклятия, кажется, количественно лидируют, ср.: «Нетрудно отметить, что в бранных выражениях фигурирует в первую очередь леший, персонаж весьма популярный в лесной зоне Севера» [Там же. С. 75]. Характерно, что это же касается и метаязыковых глаголов с семантикой ‘проклинать, ругаться с упоминанием того, что названо производящей основой’, производных от основы *леший*: арх., влг., карел., мурман., перм., свердл., костр. *леша́каться* [2. Т. 17. С. 30; 44. Т. 7. С. 85; 54; 6. Т. 3. С. 120; 19. Т. 4. С. 39; 30. Т. 2. С. 96; 18; 17], карел., мурман. *лешахаться* [6. Т. 3. С. 120], арх., влг., перм. *лешакать* [44. Т. 7. С. 85; 54], влг. *лешаиться* [Там же. С. 84], олон., яросл., влг. *лешихаться, лешехаться* [2. Т. 17. С. 34], беломор. *лешкать, лешкаться* [55. С. 208], енис. *леша́чить* [2. Т. 17. С. 31], костр. *лешачиться* [18] и др.

Ясно, что причины такого положения дел в том, что лесное пространство воспринимается как наиболее опасное и наименее освоенное; говорящие же, употребляя «лешевы» проклятия, могут вполне вещественно представлять лесной локус как «адрес», по которому отправляют проклинаемого, ср. перм. «Лешакаяться нельзя – леший заберёт. Он в воду не затолкает, он на осину, на лес занесёт. Молодая девка ходила с парнем, а мать не велела, ругалась. Девке говорит: “Чтобы тебя леший унёс да на осину повесил!” Она <дочь> ушла, её нет и нет. Она спит, мать-то, и слышит: “Дайте мне красный платок, там-то твоя девка”. Пошли, а она на осине повешена, на верёвке. Крестик ведь носит – на ней, а повесил леший» [54]. Для жителей Русского Севера леший всесилен, ср. арх. *сесильный* ‘сказочное существо, живущее в лесу – леший’ [2. Т. 37. С. 232]. Собственно наименования

лешего тоже преимущественно фиксируются в северной зоне, как и соответствующие верования: «Представления о лешем, сильно развитые у русских (особенно на Русском Севере), в меньшей степени известны в восточно-украинской и восточно-белорусской традициях, постепенно ослабляясь к юго-западу восточно-славянского ареала» [56. С. 104]. Показательно, что если в севернорусской традиции проклятые дети оказывались обычно у лешего, то, к примеру, в польской, как отмечает Е.Е. Левкиевская, – у водяного [57. С. 311].

Большинство обсуждаемых проклятий содержит обозначения, образованные от слова *лес*, которые, будучи «базовыми» именами лесного хозяина, сами по себе уже являются эвфемизмами, – *леший*, *лешой* (арх. *Вынеси леший* [27. Т. 8. С. 33], костр. *Да ему бы к лешему задякнуть* [18], костр. *Неси тебя леший на кекуры* [Там же], иркут. *Сдикуй на леший* [2. Т. 37. С. 70], арх. *Возьми лешой (кого)*, арх. *Унеси лешой да водерень*, *Унеси лешой вовеки и водерень* [27. Т. 4. С. 83, 154], арх. *Дави (кого) лешой* [Там же. Т. 10. С. 212], арх. *Понеси тебя лешой* [Там же. Т. 14. С. 140], без указ. м. *Леший бы тя облачил* [10. Т. 2. С. 597]) и *лешак* (вят., влг., арх., перм., костр., краснояр., новг., орл. *Лешак тебя (вас, его и т.п.) унеси (пони, возьми, побери, заberi)*, *Лешак бы тебя (вас, его и т.п.) взял, унес*, карел. *К лешаку пошёл* и др. [2. Т. 17. С. 30; 58. С. 506; 44. Т. 7. С. 85; 6. Т. 3. С. 120; 18]).

Фиксируется значительное количество наименований лешего, которые являются «эвфемизмами в квадрате», поскольку они, по всей видимости, фонетически шифруют само слово *леший*. Речь идет о двусложных демонах с начальным *ле-* (единично *ла-*), которые также отмечаются преимущественно в севернорусских говорах. Самым распространенным из них является слово *лэма(о)н* (влг., калуж., олон., вят., костр.), *леманёнок* (влг., костр.): влг. *Лэман на тебя*, влг. *Лэман с ним*, вят. *Лэмон побери*, влг., костр. *Пошёл к лэману* [2. Т. 16. С. 346; 18; 17; 23. Т. 5. С. 182; 59. С. 233]. Встречаются также следующие лексемы: перм., новг., олон. *лáман*: *Лáман те возьми* (новг.) [2. Т. 16. С. 252; 47. С. 48]; новг. *лeгáн* [2. Т. 16. С. 309]; влг. *лéкан*: *Лéкан с тобой*, *Пошёл (кто) к лéкану*: «Ругалиси: ну, пошёл ты к лекану, к леману ли» [17]; влг., вят. *лéмex*: *К лéмexу подь* (влг.) [44. Т. 7. С. 63; 2. Т. 16. С. 248]; арх. *лéмор*: *Ну те к лéмору* [2. Т. 16. С. 350]; обл. *лэсман* ‘бранно: леший’ [Там же. С. 372]; брян., орл. *лэхман*: *Лэхман тебя задери* (брян.) [Там же. Т. 17. С. 29]; вят. *лешмáк* [23. Т. 5. С. 191]; вят., амур., влг. *лэшман* ‘бранно’ [Там же; 44. Т. 7. С. 86; 60. С. 84]². Следует полагать, что все указанные формы являются результатом переделки слова *леший* (*лесной*), осуществляющейся по фонетической модели эвфемизации, которая может давать весьма парадоксальные замены, не укладывающиеся в обычные схемы комбинаторных изменений и в словообразовательные модели. Финаль *-ман* (*-ан*), по некоторым предположе-

² Возможно, сюда же следует включить новг. *лему́р* ‘домовой’, ‘дух умершего’ [58. С. 500].

ниям, является арготической (офенской) (см. об этом: [60. С. 84])³. Возможно, слова типа *леман* или *лешман* и возникли в рамках арготической номинации или под ее влиянием, а затем, варьируя словообразовательно, получили распространение в говорах. Кроме того, финаль *-ман* может быть результатом аттракции к слову *демон*, ср. метаязыковые высказывания носителей диалекта, указывающие на притяжение *лемон* ↔ *демон*: костр. «Не к лесному посылали, а к леману, так страшнее. Леман как демон, очень страшное слово», костр. «Какого лемана, какого демона – всё одно» [18].

Указанную группу слов хочется рассматривать в сопоставлении с созвучными, хотя и гетерогенными по происхождению, лексемами, имеющими относительно узкий целостный ареал: арх., влг., карел., олон., кольск., селигер., ленингр. *лёмбой* (редко *лёмбóй*), кольск. *лёмбу́й*: *Взял бы тебя лембой* (кольск.), *Лёмбой бы тебя взял* (селигер.), *Лембой ты* (ленингр.) [2. Т. 16. С. 347; 61. С. 72; 62. Т. 3. С. 200; 6. Т. 3. С. 110; 53. С. 436–437; 17]; арх., кольск., карел., влг. *лёмба*: *Лемба несе ю* (карел.) *Лёмба возьми тебя* (карел.) [44. Т. 7. С. 63; 6. Т. 3. С. 110; 39. С. 74], карел. *лямба* [53. С. 436], заонеж. *лёмбос* [53. С. 437]. Фиксируется также форма *лембому* – в дательном падеже: ср. карел. *Ну ты к лёмбому* [39. С. 74]. Приведенные лексемы являются заимствованными и встраиваются, таким образом, в модель эвфемизации с помощью иноязычных слов. С.А. Мызников (вслед за Я. Калимой и др.) не сомневается в прибалтийско-финских истоках этих слов, при этом вариант *лембой* следует связывать с лив. *l'emboi*, вепс. *lemboi* ‘черт’, в то время как слово *лемба* этимологически ближе к карел. *lembo* ‘черт, дьявол’, ‘ругательно – черт, дьявол’ [63. С. 113; 53. С. 437]. Интересно, что в кольских говорах записано «дублетное» к *лембу*, но имеющее другой языковой источник слово *тёмбу́й*: мурм. *На ты тёмбу́й* – «На ты тёмбу́й, лембу́й на тебя, мы так лешакаемся» [39. С. 85; 6. Т. 3. С. 85], где *тёмбу́й* ‘черт, леший’ < фин. *tuntrei* ‘отвратительный, омерзительный, противный’, карел. *tümbie* ‘некрасивый, дурной, плохой, уродливый’ [39. С. 85].

Гораздо реже встречаются проклятия, в которых используются другие эвфемистические способы выражения понятия «леший» – лексемы, апеллирующие к различным качественным характеристикам этого существа – внешним (ср. цветообозначение *синий*: костр. *Ну его туда к синему*: «Ну его туда к синему! – это значит, иди к лешему», ср. костр. *синий* ‘леший’: «Леший – не говорили раньше. Леший – слишком громко. А синий – мяхче сказать. *Вот её синий понёс куда-то! Куда тебя синий понёс?»* [18]; *седой*: моск. *Иди ты к седому*, где *седой* ‘леший’: «Седой, гьворят, в лесу живёт, вроде чёртъ што ли» [64. С. 466]) и «иерархическим» – *большак*: влг. *Возьми тебя большак*, где *большак* – ‘леший’ ← ‘хозяин’, ср. устойчивое именование *лесной хозяин*: «Большак в лесу хозяин, прямо не хотят ругаться, “большак” говорят» [17].

³ Ср., к примеру, замечание В. Добровольского, указывающего, что калуж. *леман* принадлежит арго портных [2. Т. 16. С. 346].

Встречаются и местоименные замены, как в случае костр. *Понеси тебя этот*: «Ну, понеси тебя этот! Лешего боялися называть» [18].

ДРУГИЕ ПРИРОДНЫЕ ДУХИ-ХОЗЯЕВА

Из других природных духов-хозяев в проклятиях ожидаемо упоминается **водяной**: арх. *Неси (понеси) водяной, Водяной* (кого-н.) *приволокёт* [27. Т. 5. С. 13], арх. *(Иди) к водяной силе* [Там же. С. 10], влг. *Водяной забери* [44. Т. 3. С. 142], костр. *Подбери водяник* [18]. Есть и другой лексический способ выражения этого понятия – **извод**: арх. *Извод с тобой*, олон. *Извод тя возьми*, олон. *К изводу тя* [2. Т. 12. С. 108–109], ср. олон., сев. *извод* ‘черт, дьявол; водяной’, ряз. *изводы* ‘то же’ [Там же]. Вероятно, перед нами производное от глагола *извести, изводить*; возможность образования таких форм подтверждается существованием ворон. *извода* ‘мучитель, мучительница; ехидный человек’ [Там же. С. 108]. Однако анимизация *извода*, наиболее явная в формуле *К изводу тя*, могла произойти в результате вторичного притяжения к лексемам, называющим водяного и образованным от предложно-падежной формы *из воды*, ср. ряз. *изводённый* ‘водяной, черт’: «Не купайся глубоко – изводённый», «Ох ты, изводённый» [Там же].

Встречается также отсылка к **горному**: якут. *Ступай к горному*, где *горный* – ‘дух, хозяин полей и пустынь в противоположность водяному’ [65. С. 457].

К именованиям природных духов, возможно, примыкает обозначение **вихорь**: костр. *Вихорь тя возьми* [18], тул. *Вихорь тебя расшиби (убей)* [2. Т. 4. С. 306], ср. ряз. *вихри* ‘летающие друг к другу в гости злые духи’ [Там же]. Представления о вихре – опасном ветре, в котором живут или который насылают злые демоны, – характерны для всех славян, в том числе и для русских на разных территориях (см.: [66]), ср. формулы отсылов у других восточных славян: белорус. *Пошоў к вихрам*, укр. *Бодай ты з вихром пишов!* [Там же. С. 381]. Не исключено, однако, что семантику лексемы *вихорь* в этих проклятиях следует восстанавливать просто как ‘ветер’, ср. злопожелания, где в качестве актора выступают указания на природное явление: олон. *Громовой бы силой взяло!* [2. Т. 7. С. 151], волгогр. *Гроза тебе в бок* [3. С. 122], костр. *Полава* <полая вода> *(тебя) неси* [18] и пр.

В связи с *вихрем* упомянем еще более спорный случай – проклятья с участием слова **перун**, которое можно интерпретировать как имя мифологического персонажа (изначально – бога-громовержца) или просто как апеллятивное обозначение метеорологического явления – грома или молнии: смол. *Перун тебя (вас) забери*, смол. *Чтоб тебя перун забил (убил)* [51. Т. 8. С. 67], без указ. м. *Перун тебя возьми, Пусть перун тебя забрет, Каб тебя перун треснул*, пск. *Сбей тебя перун* и под. [2. Т. 26. С. 294]. Авторы [51] придерживаются первого подхода и реконструируют значение лексемы *перун*, фигурирующей в приведенных смоленских злопожеланиях, как ‘злой дух’. В свою очередь, авторы [2] отдельно демонологический смысл не выделяют и полагают, что речь идет просто о громовых раскатах и молнии. Без дополнительных контекстов – метаязыковых

высказываний диалектоносителей – окончательное решение принять невозможно, тем более что и мифоним и апеллатив возводятся к **ръгъ, рьгати* ‘бить, поражать’ и образованы в рамках одной словообразовательной модели, обозначая «тот, кто бьет» («то, что бьет») [40. Т. 3. С. 246].

ДОМАШНИЕ И ДВОРОВЫЕ ДУХИ

В составе бранных формул достаточно разнообразно представлены обозначения домового и дворового – «ближайших» к человеку демонов. Чаще всего встречаются проклятия со словами *жировик, жих(з)орь*: арх. *Понеси тебя жировик* [27. Т. 14. С. 140], арх. *Жихорь с тобой* [44. Т. 3. С. 379], арх. *Жихорь побери* [17], арх. *Да (а) ну (кого) к жихорю (жихарю)*, арх. *Жихорь тебя возьми* [27. Т. 14. С. 240], арх. *Ну (кого) к жигорю* [Там же. С. 68], арх. *Поди ты к жихарю* [6. Т. 2. С. 70]. Демонимы этого ряда, восходящие в конечном счете к *жить*, имеют внутреннюю форму «тот, кто проживает где-либо» [2. Т. 9. С. 185; 44. Т. 3. С. 379; 6. Т. 2. С. 70]. Соседство с человеком отражено в демониме *суседко*: арх. *А дави ты суседко*, где диал. шир. распр. *суседко* – ‘домовой’ [2. Т. 42. С. 296].

Другие обозначения домашних и дворовых духов содержат во внутренней форме указания на место их обитания (*домовилиха*: дон. *Домовилиха тебя забери*, где *домовилиха* – ‘по суеверным представлениям – добрый или злой дух в образе женщины, живущий в доме’ [Там же. Т. 8. С. 119]; *хлевник*: иркут. *Чтоб тебя хлевник побрал*, ср. калуж., смол., новг., карел. *хлевник* ‘домовой, живущий в хлеву’ [Там же. Т. 50. С. 204]) или свойство вредоносности: *дурной*: ворон. *Дурной те возьми*, где *дурной* – ‘злой дух, нечистая сила; домовой’: «Ах, горя какая! Дурной-от всю лошадь измучал, кости да кожа только остались» [Там же. С. 270], *жма*: без указ. м. *Жма тебя побери*, где *жма* – ‘домовой’ (демоним отражает представления о том, что домовой давит, наваливается во сне) [39. С. 74].

В связи с негативными номинациями домашних демонов следует упомянуть интересный языковой факт – *покша*, который в новгородских говорах называет овинника: новг. *Покша тебя возьмёт* – «Покша тебя возьмёт, пугают. Что-то там есть, нечистая сила это» [58. С. 884], ср. новг. *пókша*, а также *пáкша* и *ókша* ‘нечистая сила’ – «Валяй, валяй в гумно, покша тебе там даст», «Покша картошку в овине пекёт, приговаривает: “Эта – покши, эта не, эта Ваньки, эта мне”. Покша вроде чёрта, который живёт в гумне» (новг.) [Там же]. Вероятно, этот демоним – результат семантического развития новг. *пókша*, *пáкша*, *ókша* ‘левша’ [Там же], которые, наряду с лексемами типа новг. *накила*, *накша*, влад. *пакуша*, нижегор. *пакула*, перм. *пакля* ‘левша, люкша, левая рука, шуйца’, арх. *пакля* (бран.) ‘вообще рука’, ‘неуклюжая, долгая, костлявая рука, сухая, сухотная’, ‘искалеченная, изуродованная рука’, *накорь* ‘человек с изуродованной, плохо действующей рукой’, вят. *пакля* ‘грязная, пачканая, неряшливая рука, уродливая рука’, новосиб. ‘беспалая рука’ и мн. др. [67], связываются со словами *пак*, *пакость*, *о́пак* (< **пак-*) [40. Т. 3. С. 189], родственным др.-

инд. *ápāśc-* ‘обращенный назад’, *ápākas* ‘в стороне, находящийся сзади’, лат. *opācus* ‘тенистый’ (собственно ‘противопоставленный’) и др. [40. Т. 3. С. 142]⁴. Как отмечает Е.И. Якушкина, вопрос этот этимологически спорный («так как в словах типа рус. *накля* ‘рука’ <...> возможно усматривать морфему **kъl-*, связанную с **kolti*»), однако «в пользу [их] сближения с *нак-* свидетельствует устойчивая семантическая связь слов типа *накша* <...> с физическими деформациями и ущербностью» – семантической доминантой гнезда *нак-* [67]. В русском языке в это гнездо также входят лексемы вроде *о́нак*, *о́нако* ‘назад, навзничь, наоборот’, ‘назад, навыворот’ [40. Т. 3. С. 189], влг. *наопакишу*, арх. *наопако*, *наопаику* ‘левой рукой или с левой стороны’, без указ. м. *опакуша* ‘левша, неловкий человек, делающий все наопако, наизворот’ и т.д. [67].

Если трактовать демоним *покиша* таким образом, то становится ясно, что он, как и упоминавшая выше номинация черта *ошеёнок* (если верна наша весьма гипотетичная реконструкция), транслирует идею «левизны», «перевернутости», кривизны, увечности, релевантную для образа нечистой силы (подробно об этом см., например, [68]). Ср. другие русские демонимы, созданные на этой мотивационной основе: новг. *кривой*, *косой* ‘черт’, рус. диал. *кривой вражонок* ‘черт’, *кривые бесы* ‘нечистая сила’, *кривой* ‘нечистый (дух)’, калуж., смол. *кривуша*, *кривуха* ‘русалка’ [Там же. С. 277, 284, 285], рус. *левый* ‘черт’ [Там же. С. 277], рус. *лукавый*, яросл. *луканька* ‘черт’ [40. Т. 2. С. 532] (< **lōka* ‘изгиб, кривизна’ [69. Т. 1. С. 495]), в конце концов, само слово *черт*, восходящее к праслав. **čьrtь*, которое, по одной из этимологических версий, прочитывается буквально как «обрезанный, укороченный», «что объясняется представлениями о физическом уродстве черта, “укороченной” ноге или хвосте» [25. С. 519].

Покиша, однако, даже на фоне этих «говорящих» демонимов обладает особой выразительностью, чему способствует его принадлежность к гнезду **рак-*, продолжения которого системно связываются с идеей нанесения сверхъестественного вреда и контакта с потусторонними силами, ср. только некоторые контексты, приводимые Е.И. Якушкиной (многие из них – со ссылкой на [18]), которая занималась этой темой подробно (см.: [70]): влг. «Ты почто наопако-то [через кулак] наливаешь? Покойник в семье будёт», «Наопако [от себя, наотмашь] не бьют, сухотка прикинется», арх. «Чего наопаику-то делаешь, ну тебя к дьяволу: ложку в левой руке дёржит» (что представляется опасным и следует делать только в ритуальных целях. – Е.Б., О.С.), арх. «Вихорь пошёу, дак нож-от в его кидают наопако [через голову назад]», «Ведьму опако [от себя, наотмашь] бьют, на-опакушу (тогда она рассыпется)», «От лешего надевай всю одежду опаком, опакушей» и т. д. [70. С. 168–169]. В этот ряд удачно встает также глагол, принадле-

⁴ Возможность трансформации *накша* > *покиша* объясняет свидетельство В.И. Даля о слове *пóкша*: «Это одно из замечательных слов, произносимых, наперекор говору, на низком (окающем, полоротом, сев. и вост.) наречии *пакшá*, а на высоком (акающем, зеворотом, южн., зап.) местами *пóкша*» [2. Т. 29. С. 27–28].

жащий к гнезду **rak*- и зафиксированный в вологодских говорах: *пáкнуть* ‘стать (становиться) негодным, портиться’ ‘пропасть, исчезнуть, погибнуть, умереть’ [2. Т. 25. С. 158], ‘пропасть, исчезнуть’: «Деревня там была, потом все нарушили, спихали, все и пакнуло»; «Все заросло, все пакнуло, все забросили, все деревни пропали» [17].

ДРУГИЕ ДЕМОНЫ

В проклятиях встречаются единичные обозначения и других представителей нечистой силы, например оборотня (пск. *Обмѣн тебя возьми!* [24. С. 58], где пск. *обмѣн* ‘по суеверным представлениям: человек, обращенный или способный обращаться с помощью колдовства в какое-н. животное, в какой-н. предмет; оборотень’ [22. Т. 22. С. 235]) или *мары*: карел. *Мара возьмѣт тебя (его и т.п.)!* [32. С. 384]⁵.

Таков демонический «пантеон» русских проклятий (очевидно, неполный, но обнаруживающий основные закономерности поведения наименований «нечистиков» в злопожеланиях). Как мы упоминали выше, его ключевой особенностью является сравнительно небольшое идеографическое разнообразие, которое, скорее всего, объясняется желанием того, кто произносит проклятие, упомянуть «основных», широко известных и наиболее «действенных» духов, чтобы гарантированно достичь своей деструктивной цели. Бедность идеографической «палитры» компенсируется разнообразием способов номинации зловредных мифологических существ, среди которых встречается как «прямоговорение» (непосредственное упоминание имени демона, ср. *черт, леший, водяной* и под.), так и многочисленные эвфемистические замены – фонетические, местоименные, с помощью заимствованных слов, внешних и поведенческих характеристик демона и т.д. Стремление к эвфемизации демонимов в составе злопожеланий связано с опасностью и непристойностью чертыхания, становящегося особенно действенным и разрушительным, когда оно попадает в контекст проклятия, которое само по себе является табуизированным жанром.

В эту статью не вошла довольно обширная группа проклятий, которые содержат лексемы, обладающие вторичной мифологической семантикой и реализующие модель «название болезни → название демона» (например, ворон. *Фитина его забери* [2. Т. 49. С. 124], где *фитина* – ‘нечистая сила, черт’ ← ‘болезнь, вызывающая нервное расстройство, эпилепсию у детей’ < *хитина* ‘о разных болезнях’ [Там же. Т. 50. С. 139–140]), а также полисемичные слова, которые обозначают болезни и представителей нечистой силы без отношений семантической деривации между лексико-

⁵ Нужно отметить, что в [6. Т. 2. С. 173], на который авторы [32] ссылаются как на первичный источник, это выражение не встречается.

семантическими вариантами (например, курск., орл., тамб., тул., ряз., ворон., дон. *Игрец тебя возьми (избей, изломай, разломай* и т.д.) [2. Т. 12. С. 70], где *игрец* может означать ‘нечистый или злой дух, бес; домовый’ и/или ‘истерический припадок, сопровождающийся криком’, ‘паралич (ног или крестца)’ [Там же]). Такие случаи следует исследовать отдельно и системно, поскольку они иллюстрируют сложное и интересное явление синкретичности народных представлений о недугах и демонах, которое особенно ярко высвечивается в контексте жанра проклятия, с присущей последнему «огульной» анимизацией. Это и составляет перспективу наших исследований.

Литература

1. *Виноградова Л.Н., Седакова И.А.* Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 286–294.
2. *Словарь русских народных говоров* / отв. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
3. *Словарь донских говоров Волгоградской области* / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун ; под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011.
4. *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.
5. *Словарь пермских говоров* / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1–2.
6. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* : в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–2005.
7. *Чередник В.А.* Вербальные формулы проклятий в русском языке : дипл. работа. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2006.
8. *Козельская И.В.* Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров : дис. ... канд. филол. наук. Орел : Орл. гос. ун-т, 2004.
9. *Виноградова Л.Н.* «Отсылка к нечистой силе» – общеславянский мотив проклятий // Заједничко у словенском фолклору. Зборник радова / ур. Љ. Раденковић. Београд : Балканолошки институт САНУ, 2012. С. 47–62.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
11. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Названия болезней в русских проклятиях // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология: К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова. М., 2019. С. 111–140.
12. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Злопожелания в диалектных словарях русского языка: проблемы лексикографической интерпретации // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4 (169). С. 9–21.
13. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предикага проклятия // Jezikoslovní zapiski. 2017. № 2 (23). S. 67–81.
14. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* К семантической реконструкции лексики проклятий (на материале говоров Волго-Двинского междуречья) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23: Специальный выпуск. С. 28–33.
15. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики русских народных говоров) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН / гл. ред. А.М. Молдован. XII: Диалектология. М., 2017. С. 137–159.

16. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.

17. *Картотека «Словаря говоров Русского Севера»* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

18. *Лексическая картотека* Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

19. *Словарь вологодских говоров* : в 12 вып. / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

20. *Подюков И.А., Поздеева С.М., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В., Черных А.В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

21. *Афанасьева-Медведева Г.В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Санкт-Петербург ; Иркутск : Ин-т филологии СО РАН, 2007–. Т. 1–.

22. *Псковский областной словарь с историческими данными.* Л. ; СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

23. *Областной словарь вятских говоров* / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : Коннектика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

24. *Словарь псковских пословиц и поговорок* / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001.

25. *Березович Е.Л., Виноградова Л.Н.* Черт // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 вып. / под ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 519–527.

26. *Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв.* / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М.Н. Власовой. СПб. : Пушкинский Дом, 2015.

27. *Архангельский областной словарь* / под ред. О.Г. Гецевой. М. : Изд-во Моск. ун-та : Наука, 1980–. Вып. 1–.

28. *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы* : материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии / сост. И.И. Шангина, Е.Л. Мадлевская. СПб. : Деловая полиграфия, 2004.

29. *Ярославский областной словарь* : в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1981–1991.

30. *Словарь русских говоров Среднего Урала* : в 7 т. / под ред. А.К. Матвеева. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

31. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.

32. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013.

33. *Фразеологический словарь пермских говоров* / сост. К.Н. Прокошева. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.

34. *Романов Д.А., Красовская Н.А.* Словарь тульских говоров. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2015.

35. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

36. *Живов В.М.* Исторический очерк о церковнославянском языке // Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. М., 2006. С. 9–20.

37. *Словарь орловских говоров* / под ред. Т.В. Бахваловой. Ярославль ; Орел : ЯГПИ им. К.Д. Ушинского : ОГПУ, 1989–. Вып. 1–.

38. *Словарь русских говоров Башкирии: А–Я* / под ред. З.П. Здобновой. Уфа : Гилем, 2008.

39. *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983.

40. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
41. *Симина Г. Я.* Пинежский говор: материалы по русской диалектологии. Калининград : Калининград. гос. пед. ун-т, 1976.
42. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* О лингвопрагматике русских демонимических проклятий. Рукопись.
43. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
44. *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
45. *Словарь* русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. / под ред. Р.В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.
46. *Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.
47. *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
48. *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб. : Наука, 2004.
49. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : СО РАН, 2000.
50. *Словарь* русских донских говоров : в 3 т. / авт.-сост. З.В. Валюсинская и др. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.
51. *Словарь* смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974–2005.
52. *Словарь* русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003–2005.
53. *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
54. *Этнодиалектный* словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1 : Люди со сверхъестественными свойствами / сост. И.И. Русинова (науч. ред.), А.В. Черных, К.Э. Шумов, С.Ю. Королёва. СПб. : Маматов, 2019. 862 с.
55. *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И.И. Муллонен. Петрозаводск : ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011.
56. *Левкиевская Е.Е.* Леший // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 104–109.
57. *Левкиевская Е.Е.* Водяной дух // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 4 : Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М. : ЯСК, 2019. С. 299–336.
58. *Новгородский* областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
59. *Словарь* областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
60. *Крючкова Л.Л.* Комментарий к «Словарной картотеке Г.С. Новикова-Даурского». Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014.
61. *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1979.
62. *Селигер:* Материалы по русской диалектологии : словарь / под ред. А.С. Герда. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003–. Вып. 1–.
63. *Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб. : Наука, 2003.

64. *Словарь* говоров Подмосковья / под ред. А.Ф. Войтенко. М. : [б. и.], 1969.
65. *Зотов Г.В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан : Изд-во СВГУ, 2010.
66. *Левкиевская Е.Е.* Вихрь // Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 вып. / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 379–382.
67. *Якушкина Е.И.* Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003.
68. *Толстая С.М.* *Кривой* // Толстая С.М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 275–289.
69. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.
70. *Якушкина Е.И.* Оппозиции «прямой – кривой» и «прямой – обратный» и их культурные коннотации // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002. С. 163–183.

Names of Evil Spirits in Russian Imprecations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 5–28. DOI: 10.17223/19986645/67/1

Elena L. Berezovich, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: berezovich@yandex.ru

Olesia D. Surikova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: surok62@mail.ru

Keywords: Russian dialect vocabulary, imprecations, semantic reconstruction, etymology, verbal magic, lingua-pragmatics, folk religion, demonymy.

The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00223 “Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary”.

The work continues the authors' series of articles devoted to the study of the vocabulary of Russian imprecations. It is aimed at the study of demonyms that are used in imprecations. The article is based on the material of Russian dialect vocabulary, the authors use the maximum number of dialect dictionaries available today, dialectal archives, primarily the lexical files of *The Dictionary of Dialects of the Russian North* and of the Toponymic Expedition of the Ural University. For the most part, the fieldwork material used in the article is published for the first time. The authors identify the nominations of evil spirits which are mentioned in imprecations and establish how often this happens, indicate the reasons for such preferences of the speaker; identify the features of demonyms in terms of the motives of nomination and mechanisms of euphemization. From an ideographic point of view, the “pantheon” of imprecations is rather poor: these texts mostly mention *chort* and *leshny* (in the dialects of the Russian North and in the affiliate dialects), they mention other demons (*vodyanoy*, *domovoy*, etc.) much less often. This is due to the fact that the speaker tries to mention the most dangerous and effective evil forces, not the numerous “minor” demons. Ideographic scarcity is compensated by the variety of ways of a demon's nomination. They are: direct speech (direct mention of the name of the spirit, cf. *chort*, *leshny*, *vodyanoy*, etc.); numerous euphemistic substitutions—phonetic (*leman*, *lekhman*, *leshmak* instead of *leshny*), pronominal (*etot* ‘this’, *tot* ‘that’, *ikhman* < *ikh* ‘their’ instead of *chort*, *leshny*); loanwords (*vergoj* < Finnish *verkanen*, Karelian *verka*, *verga* ‘chort’, *keremet* < Chuvash *kiremet* ‘evil spirit’, *laytay* < Buryat *layaty* ‘sly, sneaky’, and others instead of *chort*), external (*koryavyj* ‘crooked’, *chyornyj* ‘black’, *zelyonyj* ‘green’ instead of *chort*) and behavioral (*lyutyj* ‘fierce’, *likhoy* ‘dashing’, *okayannyj* ‘cursed’, *nalyotnyj* ‘blown in’ instead of *chort*) characteristics of a demon, etc. The desire to euphemize demonyms as part of malevolence is associated with the danger and obscenity of cursing. It becomes especially effective and destructive when

falling into the context of imprecations, which are tabooed themselves. People believe that cursing is dangerous both for the addressee and for the author of the malevolence, even the use of profanity is more preferable than calling evil spirits by name. Among other things, the authors of the article present motivational solutions for a number of etymologically undetermined lexemes that appear in the formulas of imprecations as names of evil spirits: *mosyak*, *osheyonok*, *chyokish*, *poksha*, etc.

References

1. Vinogradova, L.N. & Sedakova, I.A. (2009) Proklyatie [Imprecation]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 286–294.
2. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad: Nauka.
3. Kudryashova, R.I. (ed.) (2011) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of the Don Dialects of the Volgograd Region]. 2nd ed. Volgograd: Izdatel'.
4. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologičeskij slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
5. Borisova, A.N. & Prokosheva, K.N. (eds) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm Dialects]. Vols 1–2. Perm: Knizhnyy mir.
6. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Regions]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
7. Cherednik, V.A. (2006) *Verbal'nye formuly proklyatij v russkom yazyke* [Verbal Formulas of Imprecations in Russian]. Bachelor's Thesis. Yekaterinburg.
8. Kozel'skaya, I.V. (2004) *Sintaksicheskaya struktura i komponentnyy sostav dialektnykh ustoychivykh vyrazheniy so znacheniem nedobrogo pozhelaniya kak otrazhenie mirovospriyatiya nositeley govorov* [Syntactic Structure and Component Composition of Fixed Dialectal Expressions with the Meaning of Unkind Wishes as a Reflection of the Worldview of Dialect Speakers]. Philology Cand. Diss. Orel.
9. Vinogradova, L.N. (2012) “Otsylka k nechistoy sile” – obshch斯拉vianskiy motiv proklyatij [“A reference to evil spirits”: A common Slavic motif of imprecations]. In: Radenković, L. (ed.) *Zajednichko u slovenskom folkloru* [Common in Slavic Folklore]. Belgrade: Institute for Balkan Studies. pp. 47–62.
10. Dal', V.I. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd ed. Saint Petersburg; Moscow: Izdatel'stvo M.O. Vol'fa.
11. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2019) Nazvaniya bolezney v russkikh proklyatiyakh [The names of diseases in Russian imprecations]. In: Zhuravlev, A.F. et al. (eds) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Slavistika. Indoevropēistika. Kul'turologiya. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Nikolaevicha Toporova* [Slavic and Balkan linguistics: Slavic Studies. Indo-European Studies. Culturology. On the 90th anniversary of the birth of Vladimir Nikolaevich Toporov]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS. pp. 111–140. DOI: 10.31168/7996-2700-3.12
12. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017a) Ill Wishes in Russian Dialect Dictionaries: Issues of Lexicographic Interpretation. *Izvestiya Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*. 4 (169). pp. 9–21. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2017.19.4.060
13. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017b) Reconstructing the vocabulary of Russian popular imprecations: general characteristics of the imprecation predicate. *Jezikoslovni zapiski*. 2 (23). pp. 67–81. (In Russian). DOI: 10.3986/JZ.23.2.6901
14. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017c) On the semantic reconstruction of imprecations vocabulary (with reference to the patois of the interfluvium between the Volga and

the Dvina rivers). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. S (23). pp. 28–33. (In Russian).

15. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017d) Prostranstvennye i vremennye markery v tekstakh russkikh proklyatiy (na materiale leksiki narodnykh govorov) [Space and time markers in the texts of Russian imprecations (with reference to the Russian dialects vocabulary)]. In: Moldovan, A.M. (ed.) *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. Vol. XII. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 137–159.

16. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2018) Reconstructing the lexicon of imprecations: The category of actor and peculiarities of its textual implementation (with special reference to Russian dialectal vocabulary). *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 89–111. (In Russian). DOI: 10.7868/S0373658X18030042

17. *Kartoteka “Slovara govorov Russkogo Severa”* [Card index “Dictionary of Dialects of the Russian North”]. Yekaterinburg: Ural Federal University.

18. *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Lexical card index of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University]. Yekaterinburg: Ural Federal University.

19. Panikarovskaya, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda Dialects]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.

20. Podyukov, I.A. et al. (2010–2012) *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian Dialects of the Southern Kama Region]. Perm: Perm State Pedagogical University.

21. Afanas'eva-Medvedeva, G.V. (2007–cont.) *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri* [Dictionary of Dialects of Russian Old-Timers of Baikal Siberia]. Sankt-Peterburg; Irkutsk: Institute of Philology of SB RAS.

22. Lebedeva, A.I. & Mzhel'skaya, O.S. (eds) (1967–cont.) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad; Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

23. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (1996–cont.) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. Kirov: Konnektika; Vyatka State University of Humanities; Raduga-PRESS.

24. Mokienco, V.M. & Nikitina, T.G. (eds) (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov Proverbs and Sayings]. Saint Petersburg: Norint.

25. Berezovich, E.L. & Vinogradova, L.N. (2012) Chert [Devil]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 519–527.

26. Vlasova, M.N. (ed.) (2015) *Mifologicheskie rasskazy russkikh krest'yan XIX–XX vv.* [Mythological Stories of Russian Peasants of the 19th–20th Centuries]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom.

27. Getsova, O.G. (ed.) (1980–cont.) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Moscow State University; Nauka.

28. Shangina, I.I. & Madlevskaya, E.L. (eds) (2004) *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravny: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V.N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Routine. Morals: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V.N. Tenishev]. Vol. 1. Saint Petersburg: Delovaya poligrafiya.

29. Mel'nichenko, G.G. (ed.) (1981–1991) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar'* [Yaroslavl Regional Dictionary]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.

30. Matveev, A.K. (ed.) (1964–1987) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Sverdlovsk: Sredneural'skoe knizhnoe izd-vo; Ural State University.

31. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.

32. Mokienco, V.M. & Nikitina, T.G. (2013) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: OLMA Media Grupp.

33. Prokosheva, K.N. (ed.) (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological Dictionary of Perm Dialects]. Perm: Perm State Pedagogical University.
34. Romanov, D.A. & Krasovskaya, N.A. (2015) *Slovar' tul'skikh govorov* [Dictionary of Tula Dialects]. Tula: Tula State Pedagogical University.
35. Anikin, A.E. (2007–cont.) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
36. Zhivov, V.M. (2006) Istoricheskiy ocherk o tserkovnoslavlyanskom yazyke [Historical sketch of the Church Slavonic language]. In: Pletneva A.A., Kravetskiy A.G. *Tserkovnoslavlyanskiy yazyk* [Church Slavonic Language]. Moscow: Izd. sovet RPTs. pp. 9–20.
37. Bakhvalova, T.V. (ed.) (1989–cont.) *Slovar' orlovskikh govorov* [Dictionary of Oryol Dialects]. Yaroslavl; Orel: Yaroslavl State Pedagogical University; Orel State Pedagogical University.
38. Zdobnova, Z.P. (ed.) (2008) *Slovar' russkikh govorov Bashkirii: A–Ya* [Dictionary of Russian Dialects of Bashkiria: A–Ya]. Ufa: Gilem.
39. Cherepanova, O.A. (1983) *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Leningrad State University.
40. Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubacheva. Moscow: Progress.
41. Simina, G.Ya. (1976) *Pinezhskiy govor: materialy po russkoy dialektologii* [Pinega Dialect: Materials on Russian Dialectology]. Kaliningrad: Kaliningrad State Pedagogical University.
42. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (n.d.) *O lingvopragmatike russkikh demonimicheskikh proklyatiy* [On the Linguopragmatics of Russian Demyonymic Imprecations]. Manuscript.
43. Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1974–cont.) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka.
44. Matveeva, A.K. & Rut, M.E. (eds) (2001–cont.) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Ural State University.
45. Semenkova, R.V. (ed.) (1978–2006) *Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoy ASSR (Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya)* [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Mordovian ASSR (Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia)]. Saransk: Mordovia State University.
46. Malecha, N.M. (2002–2003) *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov* [Dictionary of Dialects of the Ural (Yaik) Cossacks]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo.
47. Kulikovskiy, G.I. (1898) *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Regional Olonets Dialect in Its Everyday and Ethnographic Application]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
48. Myznikov, S.A. (2004) *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: etimologicheskiy i lingvogeograficheskiy analiz* [Finn-Ugric Vocabulary in Russian Dialects of the North-West: Etymological and Linguo-Geographical Analysis]. Saint Petersburg: Nauka.
49. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altai and Paleoasian languages]. Moscow; Novosibirsk: SB RAS.
50. Valyusinskaya, Z.V. et al. (eds) (1975–1976) *Slovar' russkikh donskikh govorov* [Dictionary of Russian Don Dialects]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
51. Boyarinova, L.Z. & Ivanova, A.I. (eds) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk Dialects]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute/Smolensk State Pedagogical University.

52. Ivashko, L.A. (ed.) (2003–2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
53. Myznikov, S.A. (2019) *Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Lexicon of contact regions]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
54. Rusinova, I.I. et al. (eds) *Etnodialektnyy slovar' mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraya* [Ethnodialect Dictionary of Mythological Stories of the Perm Region]. Pt. 1. Manuscript.
55. Durov, I.M. (2011) *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Application]. Petrozavodsk: ILLH KarRC RAS.
56. Levkieskaya, E.E. (2004) Leshiy [Leshy]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 104–109.
57. Levkieskaya, E.E. (2019) Vodyanoy dukh [Water spirit]. In: Vinogradova, L.N. & Levkieskaya, E.E. (eds) *Narodnaya demonologiya Poles'ya: Publikatsii tekstov v zapisyakh 80–90-kh gg. XX veka* [Folk Demonology of Polesie: Publications of texts in the records of the 1980s–1990s.]. Vol. 4. Moscow: YaSK. pp. 299–336.
58. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (eds) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Saint Petersburg: Nauka.
59. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (eds) (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the Regional Vologda Dialect. Based on the Manuscript by P.A. Dilaktorsky of 1902]. Saint Petersburg: Nauka.
60. Kryuchkova, L.L. (2014) *Komentariy k "Slovarnoy kartoteke G.S. Novikova-Daurskogo"* [Commentary on the Card-Catalogue Dictionary of G.S. Novikov-Daursky]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.
61. Merkur'ev, I.S. (1979) *Zhivaya rech' kol'skikh pomorov* [Live Speech of the Kola Pomors]. Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
62. Gerd, A.S. (ed.) (2003–cont.) *Seliger: Materialy po russkoy dialektologii* [Seliger: Materials on Russian Dialectology]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
63. Myznikov, S.A. (2003) *Russkie govory Obonezh'ya: areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian Dialects of Obonezh'e: Areal-etymological study of vocabulary of Baltic-Finnish origin]. Saint Petersburg: Nauka.
64. Voytenko, A.F. (ed.) (1969) *Slovar' govorov Podmoskov'ya* [Dictionary of Dialects of the Moscow Region]. Moscow: [s.n.].
65. Zotov, G.V. (2010) *Slovar' regional'noy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of Regional Vocabulary of the Far North-East of Russia]. Magadan: North-East State University.
66. Levkieskaya, E.E. (1995) Vikhr' [Whirlwind]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 379–382.
67. Yakushkina, E.I. (2003) *Serbokhorvatskaya eticheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Serbo-Croatian Ethical Vocabulary in Ethnolinguistic Coverage]. Philology Cand. Diss. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS.
68. Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchelaslavyanskoy perspektive* [Word Space. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspective]. Moscow: Indrik. pp. 275–289.
69. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. 3d ed. Moscow: Russkiy yazyk.
70. Yakushkina, E.I. (2002) Oppozitsii "pryamoy–krivoy" i "pryamoy–obratnyy" i ikh kul'turnye konnotatsii [Oppositions "straight–curved" and "direct–reverse" and their cultural connotations]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [Characteristic Space of Culture]. Moscow: Indrik. pp. 163–183.